

Чэн Фэнтай не осмелился сказать второй госпоже, что собирается отправиться к Шан Сижую, чтобы самолично отчитать его, ведь она считала, что это несколько опрометчиво и вдобавок глупо. На самом деле его с Шан Сижую связывали лишь поверхностные приятельские отношения — до душевных разговоров им было далеко. Однако второй господин Чэн привык действовать смело и решительно [1] — раз уж он продумал свою нравоучительную речь, то должен был выдать её немедленно, и не мог утерпеть ни минуты.

Чэн Фэнтай тут же направился в театр Цинфэн и постучался, спросив Шан Сижую. Тот был в процессе нанесения грима — на его набелённом лице виднелась лишь одна бровь. Едва взглянув на Чэн Фэнтая, он понял, что тот явился, чтобы свести с ним счёты [2] — намерения его явно были недобрыми.

[1] Привык действовать смело и решительно — 說風便事 (shuō fēng biàn shì yǐ) — в букв. пер. с кит. «скажешь — ветер, а вот уже и дождь», что образно означает «дело следует сразу за словом».

[2] Свести с ним счёты — в оригинале 算賬 (qiūhòu suànzhàng) — в пер. с кит. «рассчитаться после осеннего урожая», обр. в знач. «подождать до поры до времени, чтобы отомстить».

— Второй господин Чэн, у вас ко мне какое-то дело?

При виде его однобрового лица Чэн Фэнтая сразу пробрал смех, и он про себя подумал: «И ты ещё осмеливаешься открывать мне дверь в таком-то виде?»

— Я хочу тебе кое-что сказать, — заявил он.

— Но скоро мой выход, — ответил Шан Сижуй.

Чэн Фэнтай прошёл без приглашения, снял шляпу и шарф. Усевшись на стоявший поблизости диван, он закурил и, указывая на актёра кончиком сигареты, произнёс:

— Ну так ступай. Я могу ждать хоть всю ночь.

Курить за кулисами было строго запрещено, но никто не осмелился сказать Чэн Фэнтаю, чтобы он потушил сигарету. Не говоря ни слова, Шан Сижуй вернулся за свой столик и продолжил гримироваться. В гримёрке повисла напряжённая атмосфера — оба, казалось, задохнулись от неизъяснимой досады, а потому не могли разрядить её привычными шутками. От нечего делать Чэн Фэнтай принялся оглядываться по сторонам. Известные ему театральные гримёрки всегда были ярко освещёнными, донельзя пёстрыми и битком набитыми людьми. Труппа под руководством Шан Сижую была довольно распушенной, и поэтому за сценой царили толкотня и хаос, повсюду были в беспорядке раскиданы [3] костюмы, на кухонной плите теснились тарелочки с гримом. Всё валялось кое-как, а люди были ещё более неуправляемы. Стоило Чэн Фэнтаю шагнуть за кулисы, как к нему миглом устремились горящие взоры всех актрис, и они принялись напропалую кокетничать с ним и обольщать его лестью не хуже, чем девицы, которые составляют пару гостям на танцах. Некоторые из актрис уже были наслышаны о том, что этот второй господин Чэн не дурак приударить за женщинами и привык бездумно сорить

деньгами — о таком покровителе можно только мечтать, и если вцепиться в него покрепче, то наверняка обеспечишь себе безбедную жизнь. Хотя они толком ничего не знали о Чэн Фэнтае, основываясь на своём личном опыте и его манере одеваться, они полагали, что им известна вся его подноготная. Те, что служат чиновниками, не могут до такой степени поступаться репутацией, чтобы показываться в актёрских гримёрках, а потому, должно быть, этот посетитель был молодым господином из знатной семьи или сыном богатого дельца. К тому же, он был до того красив и элегантен, что при одном взгляде на него заходило сердце.

[3] В беспорядке раскиданы — в оригинале чэньюй 橫七豎八 (héngqī shùbā) — в букв. пер. с кит. «семь вдоль, восемь поперёк»; образно в значении «в полном беспорядке, вповалку, вдоль и поперёк, вкривь и вкось, кое-как».

Одежда одной из актрис была весьма небрежно распахнута, так что виднелось белоснежное нижнее бельё. Отчаянно заигрывая с Чэн Фэнтаем, она стреляла глазами и всеми силами пыталась продемонстрировать ему своё обнажённое бедро. Второй господин следил за ней смеющимися глазами, а про себя думал, что, пожалуй, этому театру больше подошло бы название «Сотня цветов» [4], а иначе отчего здесь царит атмосфера, словно в весёлом доме?

[4] Сотня цветов 百卉 (bǎihuā) — байхуа — обр. в знач. «все цветы», отсылка к «цветочному кварталу» — так называли кварталы удовольствий.

Шан Сижуй не обращал ни малейшего внимания на эти романтические поползновения, что творились прямо у него под носом — всё его внимание было поглощено вырисовыванием второй брови. Его молоденькая служанка Сяо Лай с волосами, заплетёнными в толстую косу, опасаясь, что пепел с сигареты попадёт на костюм, подошла к Чэн Фэнтаю и с каменным лицом поставила перед ним фарфоровую тарелочку для грима, чтобы тот использовал её в качестве пепельницы. Второй господин улыбнулся ей, однако выражение лица служанки ни на йоту не потеплело.

— Девушка, вас не затруднит налить мне чашечку чая? — попросил Чэн Фэнтай.

Однако Сяо Лай развернулась и ушла, сделав вид, что ничего не слышала.

Выступление Шан Сижую закончилось в половине десятого. К этому времени Чэн Фэнтай успел выкурить полпачки сигарет и вновь прокрутить в голове всё, что собирался сказать. Теперь он чувствовал, что его речь — подлинный литературный шедевр [5], каждое слово которого заставляет задуматься, ведь она проникнута высокой моралью и гармонией человеческих отношений. Выслушав его, этот актёр непременно разрыдается от раскаяния.

[5] Литературный шедевр — в оригинале чэньюй 字字珠玑 (zìzì zhūjī) — в пер. с кит. «что ни слово, то жемчужина», обр. в знач. «изящный слог, блестящее литературное произведение».

Должно быть, на этот раз Шан Сижуй не вносил в оперу никаких изменений, потому что бурные аплодисменты никак не стихали, и актёру пришлось благодарить зрителей на протяжении двадцати минут, прежде чем он смог покинуть сцену. Вчера главнокомандующий

Цао силой увёз его к себе, однако, настроение у Шан Сижуй было скверное — выйдя из себя, он категорически отказался составить подвыпившему главнокомандующему компанию в спальне. Тот, раздосадованный подобным упрямством и опасаясь, как бы Шан Сижуй окончательно не взбесился, надавал ему оплеух, а потом пинком под зад вышвырнул из комнаты. Молодой человек с горящим огнём лицом спустился в гостиную на первом этаже и, не раздеваясь, свернулся калачиком на диване — в его душе царил хаос. Видя гнев главнокомандующего Цао, запуганные его женой слуги не решились подкинуть дров в камин или хотя бы накрыть актёра одеялом, предоставив его самому себе [6]. Во второй половине ночи камин потух окончательно, и в гостиной стало холоднее, чем на улице. Шан Сижуй дрожал от холода, вцепившись в диванную подушку, а перед его внутренним взором непрерывной чередой проносились давние события в Пинъяне, и под влиянием прошлого нынешняя обида, нанесённая ему главнокомандующим Цао, совсем не ощущалась. Таким образом, ночка у него выдалась не из лёгких, так что на рассвете его ужасно клонило ко сну, но тут в гостиную заявила Чэн Мэйсинь и принялась громогласно призывать служанку. При виде Шан Сижуй, свернувшегося на диване, словно собачонка или котёнок, сердце Чэн Мэйсинь преисполнилось самодовольством, и она расплылась в неприятной улыбке, нарочито растягивая слова. Не дожидаясь её насмешек, Шан Сижуй единственным движением поднялся с дивана и ушёл. Ему понадобилось три часа на то, чтобы добраться до дома пешком; там он немного поспал — а потом ему снова предстояло выступать на дневном и вечернем представлениях, за чем его и застал Чэн Фэнтай.

[6] Предоставив его самому себе — в оригинале чэньюй 自生自灭 (zìshēng zìmiè) — в пер. с кит. «возникнуть и исчезнуть самому по себе».

На вечернем представлении, столь восторженно принятом зрителями, Шан Сижуй играл воительницу древности Му Гуйин [7], и по окончании выступления прямо-таки обливался потом — он так устал, что был не в силах даже пошевелиться. Выйдя за кулисы, он рухнул на стул. Сяо Лай поставила для него на туалетный столик чашку чая, однако тут Чэн Фэнтай шагнул вперёд и осушил её одним глотком. После этого он прислонился к зеркалу, прищурившись на Шан Сижуй, и стряхнул пепел с дымящейся сигареты прямо в чашку.

[7] Му Гуйин 穆 Guiying (Mù Guìyīng) — легендарная женщина-полководец времён империи Сун, один из главных персонажей цикла легенд о полководцах клана Ян. Одна из наиболее известных легенд о ней касается её знакомства с будущим мужем.

Подробнее см. в примечаниях в конце главы

Подобная грубость была сродни хулиганству. Шан Сижуй всегда чувствовал, что Чэн Фэнтай — своего рода аристократ-проходимец, которому явно недостаёт добродетелей и манер [8]. Обычно он вращался в богатых кругах, где был вынужден сдерживаться, ведя себя прилично, а сегодня явился, чтобы напрашиваться на неприятности, потому и держал себя столь развязно.

[8] Не достаёт манер — в оригинале 不修边幅 (bùxiūbiānfú) — в пер. с кит. «не попадать в тон, фальшивить», обр. в знач. «с дурными манерами».

Сяо Лай прожигала Чэн Фэнтай гневным взглядом, а Шан Сижуй так устал, что готов был рыдать в голос.

— Налей ещё чашку чая, — с глубоким вздохом велел он Сяо Лай. — ...и дай второму господину. А потом помоги мне снять грим: не стоит заставлять второго господина долго ждать.

Чэн Фэнтай следил за тем, как Шан Сижуй понемногу смывает белила с лица [9], и из-под толстого слоя краски и туши постепенно проступало красивое и бесхитростное дитя, будто что-то чистое и истинное выбиралось из кокона. Под глазами у актёра залегли тени, щёки как будто немного припухли, и во всём лице ощущалось крайнее утомление. Заметив все эти признаки, Чэн Фэнтай решил, что подобная внешность — результат неумеренных ночных походов.

[9] Смывает белила с лица 卸妆 (Xǐ jùng qiān huá) — чэньюй, обр. в знач. «вернуться к простой жизни от роскошной».

«Ну и хорош же ты! — подумал про себя Чэн Фэнтай. — Испортил праздник моему сыну и до слёз запугал молодых супругов! А потом, набушевавшись вволю, нашёл того, кто тебя приголубит — и поминай как звали! Ну и задам я тебе сейчас, негодник!»

Насухо вытерев лицо, Шан Сижуй надел пальто и обратился к Чэн Фэнтаю:

— Хорошо, второй господин, пойдёмте.

Сяо Лай в два шага догнала их, глаза её были полны беспокойства. Шан Сижуй с улыбкой хлопал её по плечу:

— Когда приведёшь всё в порядок, отправляйся домой и подожди меня у дверей, я вернусь позже.

Сяо Лай кивнула.

— Езжай в парк Сяншань [10], — велел Чэн Фэнтай, садясь в машину.

Любой нормальный человек растерялся бы, предложи ему кто поехать в парк Сяншань в такой час. Однако водитель Лао Гэ [11] был старым членом семьи, которого Чэн Фэнтай привёз с собой из Шанхая, и потому давно привык к эксцентричной натуре своего господина. К тому же парк Сяншань был относительно близко, а Лао Гэ не особенно удивился бы, даже реши Чэн Фэнтай поехать прогуляться в Баодин [12].

[10] Сяншань 香山 (xiāngshān) — «Благоухающая гора»; парк у подножия гор Сишань на северо-западе Пекина.

[11] Лао Гэ 老葛 (Lǎo Gé) — префикс перед фамилией «Лао» — «старый», «старина», является уважительным, но в то же время может быть фамильярным. Фамилия Гэ 葛 (Gé) означает «пуэрария», такую фамилию носили члены знаменитого даосского рода Гэ. Пуэрария является

лекарственным и съедобным растением из рода бобовых, в трактате Баопу-цзы Гэ Хуна описывается снадобье из её цветов, вызывающее вещие сны.

[12] Баодин 保定 (Bǎodìng) — городской округ в провинции Хэбэй, в 140 км. от Пекина.

Лао Гэ поправил козырёк кепки и невозмутимо завёл машину. Сердце Шан Сижую бешено заколотилось, и он подумал про себя: неужто Чэн Мэйсинь не смогла смириться с тем, что он прошлой ночью проник под кров её дома, и послала своего младшего брата, чтобы исключить такую возможность впоследствии? Однако, как следует поразмыслив над этим, он пришёл к выводу, что такого попросту не может быть. Ведь каково социальное положение Чэн Фэнтая? Пожелай он кого-то убить, с какой стати ему делать это своими руками? А если дело в том скандале, что он учинил на праздновании первого месяца сына Чэн Фэнтая, то не слишком ли это — являться за ним среди ночи, чтобы призвать к ответу? А может дело вообще в чём-то другом? Да нет, это невозможно — кроме того, что они изредка перешучивались на встречах в обществе, у них друг с другом не было абсолютно никаких дел.

На самом деле Чэн Фэнтай хотел найти какое-нибудь уединённое место, чтобы прочесть ему наставление, потому что боялся, что Шан Сижуй вновь выйдет из себя, а устроить ругань и драку среди ночи в городе — это верх неприличия.

Машина больше часа ехала в холодной ночи, и наконец они прибыли к подножию горы Сяншань. Чэн Фэнтай попросил Лао Гэ следовать позади со включёнными фарами, так что они с Шан Сижуюм неторопливо шли и беседовали в кругу света. В чёрной как смоль ночи обочина дороги щетинилась бурьяном, а белые снопы света выхватывали из тьмы две фигуры, перед которыми расстилалось бесконечное снежное полотно — всё это создавало до крайности необычное впечатление. Когда дело дошло до решающего момента, страх оставил Шан Сижую, и он, затаив дыхание, внимательно ждал, что скажет Чэн Фэнтай.

— То, что я скажу тебе сейчас, можно охарактеризовать так: хоть наше знакомство поверхностно, я буду говорить с тобой как друг [13], — начал тот. — Однако надеюсь, что Шан-лаобань всё же окажет мне честь и выслушает меня.

[13] Хоть наше знакомство поверхностно, я буду говорить с тобой как друг — в оригинале чэньюй 交浅言深 (jiāoqiǎnyánshēn) — в пер. с кит. «знакомство мелко, речь — глубока»; так характеризуют дружескую беседу с малознакомым человеком, случайным знакомым.

Шан Сижуй привык к тому, что Чэн Фэнтай — большой любитель пошутить. Тут же приняв серьёзный вид, он спрятал улыбку и ответил ему репликой из пьесы:

— Извольте, второй господин!

И тот изволил.

Пространные рассуждения Чэн Фэнтая сводились к следующим пунктам: во-первых, прошлое нужно оставить в прошлом. Вечно лелеять былые обиды и тем самым вредить себе и другим —

это не то, что подобает благородному мужу. Мужчина должен твёрдо смотреть вперёд: какой смысл вечно созерцать предмет своих нежных чувств? Во-вторых, он надеется, что Шан-лаобань вспомнит о былой доброте и привязанности, ведь некогда барышня Мэнпин так самоотверженно заботилась о своём шиди. Ну а теперь она замужняя женщина и счастлива в браке; стоит ли из-за этого разрушать былую дружбу, чтобы всё, что было между ними хорошего, пошло прахом? И то, что при любом удобном случае Шан Сижуй пытается растоптать эту пару — это не только неразумно, но и безнравственно, так поступают лишь злодеи. В-третьих, он хотел, чтобы Шан Сижуй определился со своей позицией. Не говоря уже о том, что Цзян Мэнпин — не родня ему по крови, а шицзе, да и даже будь она ему родной сестрой, всё равно, многие люди, повзрослев, идут разными путями [14], повстречав свою истинную любовь. Цзян Мэнпин с Шан Сижуюем связывают родственные чувства, а с Чан Чжисинем — любовные, и как же они, в таком случае, могут соперничать? А Шан Сижую как младшему брату тем более не подобает распускать сплетни [15] о замужестве старшей сестры — тут он и впрямь перешёл черту.

[14] Идут разными путями — в оригинале чэньюй 分道扬镳 (fēndào yángbiāo) — в пер. с кит. «разъехаться по разным дорогам и взмахнуть поводьями», обр. в знач. «каждый пошел своей дорогой, их пути разошлись, они расстались».

[15] Распускать сплетни — в оригинале чэньюй 三言两语 (shuō sān liǎng yǔ) — в пер. с кит. «говорить три, говорить четыре», обр. в знач. «говорить сумбурно, судачить, делать безответственные высказывания».

Шан Сижуй слушал его молча, и улыбка на его лице постепенно таяла. Он слегка склонил голову, так что чёлка упала ему на глаза. Чэн Фэнтай подумал, что, возможно, ему нестерпимо это слушать, однако он обязан был это принять, ведь эти злополучные отношения слишком затянулись [16] — потому-то Чэн Фэнтай и хотел устроить ему взбучку, чтобы хоть бранью наконец заставить Шан Сижую прийти в себя. Однако со стороны актёра не последовало никакой реакции — не похоже было, чтобы его это пробудило или хотя бы потрясло. От этого Чэн Фэнтай и сам начал горячиться, так что его слова звучали всё резче, и он сам чувствовал, что заходит слишком далеко; если у Шан Сижую и впрямь такой бешеный нрав, как о нём судачат, то эти наставления скорее не пробудят его, а лишь вызовут новую вспышку безумия. Если дело кончится этим, Чэн Фэнтай собирался довести Шан Сижую до города, выкинуть его из машины и больше никогда не поддерживать никаких отношений с этим человеком. Ну а разок устроив актёру выволочку, второй господин, можно сказать, лишь восстановит справедливость и к тому же выместит на нём злость за своих друзей.

[16] Эти отношения слишком затянулись — в оригинале два чэньюя:

年深日久之 (nián shēn rì jiǔ) — в пер. с кит. «годы глубокие, дни долгие», обр. в знач. «давнишний, стародавний».

千丝万缕之 (qiānsī wàn lǚ) — в пер. с кит. «тысячи шелковинок и десятки тысяч нитей», обр. в знач. «многочисленные незримые узы, тесная связь».

Чэн Фэнтай распинался ещё добрых три четверти часа, пока у него в горле не пересохло и не иссякли слова. В парке Сяншань ночью было так холодно, что всё вокруг заледенело, а потом пошёл снег. Чэн Фэнтай засунул руки в карманы пальто и втянул голову в плечи. Он был очень недоволен Шан Сижуюем, и потому присовокупил ещё несколько едких замечаний. Когда он

закончил изложение заготовленной заранее речи, и импровизация также исчерпала себя, его разглагольствования наконец сошли на нет. Шан Сижуй всё так же молча шёл, опустив голову и пытаясь зарыться подбородком в шарф, словно пребывал в глубокой задумчивости.

— Ты! Скажи уже что-нибудь! — гневно выпалил Чэн Фэнтай.

Шан Сижуй наконец поднял голову и тихим усталым голосом произнёс:

— Нет, второй господин, всё не так.

— А?

— Эта женщина изначально любезничала с моим старшим названным братом, однако оставила его, чтобы сойтись с этим господином Рыбье нутро [17]. Тогда у него была другая жена, которая очень ему нравилась, несмотря на то, что её тоже не принимала его семья. И всё же Рыбье нутро бросил её — а значит, точно так же мог бросить и эту женщину... У этих молодых господ из богатых семей нет сердца [18], их нельзя назвать порядочными людьми.

[17] Рыбье нутро — здесь Шан Сижуй называет Чан Чжисиня похожим по звучанию прозвищем — Чанцзы Син 常子馨 (chángzi xīng) — «вонючие рыбы кишки».

[18] Нет сердца — в оригинале чэньюй 狼心狗肺 (lángxīn gǒufèi) — в пер. с кит. «волчье сердце и собачьи лёгкие», обр. в знач. «жестокий, свирепый, бесчеловечный, бессовестный; злодей».

Чэн Фэнтай догадывался, что «этой женщиной» была Цзян Мэнпин, а «господин Рыбье нутро» — стало быть, Чан Чжисинь. Этот молодой актёр был таким ребячливым, что, ненавидя кого-то, даже не мог назвать его по имени, а лишь по прозвищу. Но что это за «у этих молодых господ из богатых семей нет сердца»? В чей это огород, спрашивается, камень?

— Они сошлись без моего ведома, — продолжал Шан Сижуй. — Когда я узнал об этом, то страшно разозлился, но всё равно не хотел говорить с ней сурово, а потому лишь мягко пытался её увещевать... И что же она? Когда ей надоело меня слушать, она заявила, что я для неё никто и что у меня нет права ей указывать, а также что все свои страдания я заслужил.

Чэн Фэнтай остановился и удивлённо воззрился на него — говорить подобное было совсем не в духе Цзян Мэнпин. Не заметив этого, Шан Сижуй двинулся дальше.

— Как же я мог быть для неё никем? Ведь я готов был умереть за неё! Почему, спрашивается, я затеял вражду с господином Рыбье нутро? Да потому что эта женщина обещала мне! Она говорила, что я навсегда останусь самым важным человеком в её жизни, и моё место в её сердце не займёт никто другой! Говорила, что мы близки, словно родные, и никогда не расстанемся! А потом она сошлась с этим Рыбьим нутром — выходит, все эти речи были ложью! Все те десять лет, что мы поддерживали друг друга, для неё стоили меньше, чем три месяца с ним! А если ей не по силам было сдержать это обещание, зачем же тогда она его

давала? Она обманула меня... обвела вокруг пальца, словно последнего дурака!

Чэн Фэнтай следовал за ним, глядя ему в спину. Слова: «Я готов был умереть за неё» — потрясли его до глубины души. Хотя у Чэн Фэнтая было три сестры и трое детей и он ко всем ним был искренне привязан, он не решился бы заявить такое даже в отношении своей любимицы Чачи-эр. После продолжительного молчания он почувствовал, что на самом деле понимает Шан Сижую. Обычные человеческие чувства и нормы морали для него попросту не существовали, ведь ему никогда не удавалось постичь их суть, зная лишь то, что на душе у него самого. Он был готов обнажить грудь и вырвать сердце [19], чтобы вручить его тому единственному человеку — но что если тот не удержит его и разобьёт? Тогда Шан Сижуй попросту сойдёт с ума...

[19] Обнажить грудь и вырвать сердце — в оригинале чэньюй 開膛剖肚 (kāitáng pòdù) — в пер. с кит. «вспороть живот и вырвать сердце» — в древности в Китае считалось, что сердце человека находится в животе.

— Ты прав, говоря, что она тебе обещала, — рассудил Чэн Фэнтай. — Но ведь само по себе это обещание неразумно, потому что вступает в противоречие с её чувствами — как ты мог принуждать её выполнить это обещание?

— Почему же неразумно?! — возмутился Шан Сижуй. — С какой стати искренние чувства должны уступать место извращённым вздохам мужчин и женщин? Мы с ней — родственные души! А родная душа — это самое ценное, что только может быть в жизни!

Тут Чэн Фэнтай в самом деле не удержался от смеха. Такой наивный и бесхитростный молодой человек ещё подходит на роль младшего брата или сына, но никак не родственной души — должно быть, это совсем не для него. Цзян Мэнпин представлялась Чэн Фэнтаю сентиментальной и романтичной [20], но при этом разумной женщиной, а Шан Сижуй только и знал, что играть в свои глупые игры — куда ему было понять её тонкие переживания?

[20] Романтичный — в оригинале чэньюй 風花雪月 (fēng huā xuě yuè) — в пер. с кит. «ветер, цветы, снег и луна» — романтические объекты, часто используются в литературе, образно — «романтика», а также «красота природы четырёх времен года».

— Хорошо, допустим, что родство душ выше любви, — согласился Чэн Фэнтай. — Однако, как мне представляется, ты считаешь её родственной душой, но она тебя — нет, она считает своей родственной душой Чан Чжисиня. В этом нет её вины, ведь ты сам этого не добивался!

— Но в таком случае зачем же она мне обещала? — упрямо возразил Шан Сижуй. — А пообещать и потом нарушить слово — это никуда не годится! Поэтому я и не оставляю её в покое!

Чэн Фэнтай в глубине души не мог не признать его правоту, но его смущал подход:

— Но даже в таком случае... тебе не следовало натравливать тех хулиганов на Цзян Мэнпин. Вы же с ней брат и сестра, так что...

— Я хотел лишь припугнуть её, — понизив голос, сконфуженно ответил Шан Сижуй, — да и как я мог навредить ей? Я ведь ни разу в жизни её не ударил, с её головы не упал бы ни единый волос [21]...

[21] С головы не упал бы ни единый волос — в оригинале 烏髮不墜 (Wū fà bù zhuì) (Bù huì shǎo yīkuài) — в пер. с кит. «не должна лишиться ни кусочка мяса».

Это прозвучало так по-детски, что Чэн Фэнтай не удержался от улыбки, однако продолжил распекать его:

— Разве это годится — так запугивать женщину? Да ещё посылать солдат, чтобы срывать её представления? Ведь это значит лишить человека средств к существованию!

Обернувшись к Чэн Фэнтаю, Шан Сижуй в изумлении распахнул глаза:

— Каких ещё солдат, чтобы срывать представления? Откуда бы я их взял? — но тут он осёкся — задумавшись, он наконец понял, о чём речь.

Когда Цзян Мэнпин заявила ему, что он заслужил все свои страдания, Шан Сижуй был убит горем. Не в силах оставаться в Пинъяне ни на мгновение, он бросил труппу «Шуйюнь» на произвол судьбы и под покровом ночи покинул город. Однако далеко он не убежал, так как внезапно наткнулся на войска губернатора Чжана. Тот, будучи преданным поклонником Шан Сижую до такой степени, что был им одержим, больше всего досадовал на то, что ему приходилось участвовать в военных походах вместо того, чтобы иметь возможность сблизиться со своим кумиром. Встретившись с ним так внезапно, он не смог удержаться от того, чтобы схватить Шан Сижую и усадить его на спину своей лошади, со смехом заявив: «Я вот-вот войду в Пинъян. Следуй за мной и ни о чём не беспокойся: больше здесь никто не посмеет тебя обидеть!»

Губернатор Чжан не был бы губернатором Чжаном, если бы не считал, что лучший способ предотвратить обиду — это нанести её первым. Решив снискать расположение Шан Сижую, он, взявшись за дело, довёл его до конца — послал солдат, чтобы они поквитались с Цзян Мэнпин. Выдворить их с мужем из города было для него парой пустяков. Припомнив слова Чан Чжисиня, Чэн Фэнтай подумал, что нет ничего удивительного в том, что ни один театр не осмеливался нанять Цзян Мэнпин. В самом деле, откуда у Шан Сижую взяться такому влиянию, чтобы подмять под себя все театры? Наверняка к этому приложил руку губернатор Чжан.

— Она заслужила, чтобы солдаты срывали ей представления! Она сама заявила, что труппа «Шуйюнь» ей не нужна, и передала её мне! И что в итоге? Стала таскать за собой своего мужика, чтобы он слонялся за сценой! — гневно выпалил Шан Сижуй. — Говорила, что никогда больше не покажется мне на глаза. Ха! После этого мне неизвестно сколько раз приходилось

проходить мимо неё на улице во время её представлений, и всякий раз я прекрасно её видел! Она и тут не сдержала слово! Она постоянно меня обманывает!

Тут Чэн Фэнтаю подумалось, что, если бы кто-то потребовал от него столь скрупулёзного выполнения всех когда-либо данных абсурдных обещаний, то проще сразу помереть, чтобы доказать, что это невозможно.

За время этой странной беседы Чэн Фэнтай полностью осознал, что имеют в виду, говоря, что Шан Сижуй одновременно вызывает и ненависть, и жалость. Он готов был возненавидеть актёра за приверженность жестоким и абсурдным навязчивым идеям, но вместе с тем проникся к нему жалостью за его возвышенную глупость [22].

И жалости в его сердце было всё-таки больше, чем ненависти.

Когда отзвучали слова Шан Сижую, хрупкая трепещущая на ветру фигура молодого человека застыла в ледяном холоде зимней ночи. При виде этого сердце Чэн Фэнтая затопила нежность [23], и из глубины сознания всплыла мысль, что, если бы Шан Сижуй был девушкой, он бы его обнял.

[22] Возвышенная глупость — в оригинале 痴 (chī) — в пер. с кит. «глупый, тупой», а также «одержимый манией» и «влюблённый идиот».

[23] Нежность — в оригинале чэнъюй 怜香 (liánxiāng xīyù) — в пер. с кит. «любить аромат цветов и проявлять мягкость», обр. в знач. «бережно относиться к женщине».

Во внешности и характере Шан Сижую было что-то неопределённое — пусть он был не девушкой, а молодым человеком, он всё равно вызывал необоримое желание приглубить его. Чэн Фэнтай не удержался и, сделав шаг вперёд, рискнул приобнять его за плечи. Шан Сижуй совершенно естественным образом приник к его груди, и Чэн Фэнтай почувствовал, как его тело сотрясает мелкая дрожь, но не мог понять, от холода или от волнения. Опустив щёку на плечо Чэн Фэнтая, Шан Сижуй попросил:

— Второй господин, не говорите больше ничего, хорошо? От одного только звука их имён я чувствую себя просто... невыносимо...

— Хорошо, не будем об этом, — согласился Чэн Фэнтай. — Поговорим о чём-нибудь другом. Давай я отвезу тебя домой.

По пути назад оба хранили молчание. Шан Сижуй отвернулся к окну и смотрел в тёмную ночь за стеклом, сложив руки на коленях, словно ему было не по себе. От этого Чэн Фэнтаю стало неловко: в глубине души он винил себя за бестактность. Ища повод завязать беседу, он спросил:

— А где живёт Шан-лаобань? — Сейчас он вёл себя с Шан Сижуюем крайне осмотрительно,

боясь потревожить его пустыми разговорами.

— Улица Логу [24], дом тридцать один, — повернулся к нему Шан Сижуй. — Это к северу от храма Бога богатства Хуанва [25].

— Что за совпадение! — с улыбкой отозвался Чэн Фэнтай. — Я живу в южной части той же улицы. Оказывается, мы соседи!

Шан Сижуй ограничился парой слов, потому что был не в настроении разговаривать. Наконец машина остановилась у небольшого сыхэюаня [26] в северной части улицы Логу.

[24] Улица Логу 锣鼓巷 (Luógǔ xiàng) — название улицы в пер. с кит. «гонги и барабаны», эта улица делится на северную и южную часть.

[25] Храм Бога богатства Хуанва 黄瓦财神庙 (Huáng wǎ cáishén miào) — в пер. с кит. «храм с Жёлтой черепицей», даосский храм, в самом деле расположенный в переулке Логу, его можно осмотреть по крайней мере снаружи:

<https://www.trip.com/travel-guide/attraction/beijing/huangwa-caishenmiao-30518834/>

[26] Сыхэюань 四合院 (sìhéyuàn) — тип традиционной китайской застройки, в наиболее простом его варианте он представляет собой четырёхугольный двор с расположенными по его периметру обращёнными в него фасадами четырьмя зданиями, ориентированными по сторонам света (то, которое обращено на юг - самое главное). В зависимости от размеров и благосостояния семьи возможны многочисленные вариации с сохранением основной планировки. Первые дома типа сыхэюань появились ещё в эпоху династии Западная Чжоу (XII-VIII вв. до н.э.).

Здесь можно ознакомиться с большой статьёй на эту тему: <https://anashina.com/siheyuan/>

— Я, не подумав, наговорил тебе неприятных вещей, — обратился к актёру Чэн Фэнтай, — и уж думал, что ты, не выдержав, набросишься на меня.

Шан Сижуй с лёгкой улыбкой покачал головой:

— Второй господин говорил от всего сердца. Вы добрый человек. Я никогда не злюсь на людей, которые не сделали мне ничего дурного.

Его слова звучали так, будто он хотел сказать, что легковесной болтовни [27] Чэн Фэнтая недостаточно, чтобы разгневать его, и от этого второму господину внезапно стало не по себе. Однако Шан Сижуй тут же исправился:

— Я плохо выступил на празднике в честь первого месяца третьего молодого господина, так что задолжал вам представление.

[27] Легковесная болтовня — в оригинале чэньюй 人微言轻 (rénwēiyánqīng) — в пер. с кит. «человек слаб, слова его не имеют веса», обр. в знач. «незначительный человек, мелкая сошка».

— Это не имеет значения, — поспешил заверить его Чэн Фэнтай, ведь он больше не осмелился бы приглашать к себе Шан Сижую.

— Нет, я непременно должен загладить свою вину, — стоял на своём актёр.

— Ладно-ладно, — с улыбкой согласился Чэн Фэнтай. — Тогда я буду тебя ждать.

Шан Сижуй вылез из машины и легонько постучал в ворота, чтобы позвать Сяо Лай. Чэн Фэнтай специально завёл автомобиль, чтобы осветить ему путь фарами, но актёр очевидно в этом не нуждался: едва створка ворот приоткрылась, как он ловко проскользнул во двор, даже не оглянувшись, и от этого Чэн Фэнтай, сам не зная почему, почувствовал себя потерянным. Из-за стены дома напротив поднимались ветви софоры, в свете автомобильных фар они казались корявыми и безжизненными, походя на холодную и плотную паутину, в которой запуталась ночь.

Примечания переводчика:

[7] Му Гуйин 穆桂英 (Mù Guìyīng) — легендарная женщина-полководец времён империи Сун, один из главных персонажей цикла легенд о полководцах клана Ян. Одна из наиболее известных легенд о ней касается её знакомства с будущим мужем.

Чтобы одержать победу над государством Ляо, полководец империи Сун, Ян Яньчжао, напал на разбойничью крепость Мукаэ, где хранился победоносный артефакт «Побиватель драконов». Сын Ян Яньчжао Ян Цзунбао потребовал у хозяина крепости выдать артефакт, тогда дочь главаря Му Гуйин сошлась с ним в поединке и одолела его. Победённый Ян Цзунбао попросил убить его, однако влюбившаяся в него Му Гуйин сама предложила ему женитьбу. Когда Ян Цзунбао вернулся в лагерь, Ян Яньчжао в гневе хотел казнить сына, однако подоспевшая с дружиной Му Гуйин вызвала на поединок его самого Ян Яньчжао и вновь победила— после чего извинилась перед старым воином и испросила его благословение на брак.

В течение столетий Му Гуйин остаётся одним из популярнейших образов китайской живописи и большинства разновидностей китайской оперы, являясь классическим персонажем ампуа удань. Заслуживает особого упоминания пекинская опера 1959 г. «Му Гуйин принимает командование», в которой главную роль сыграл Мэй Ланьфан.

<http://bllate.org/book/17750/1660366>